

РУССКАЯ ОДИССЕЯ ЛАКЛАНА МАКУОРИ

Русские корабли, приходившие в Австралию в первые десятилетия XIX века, всегда находили теплый прием у жителей новой британской колонии. Апогей взаимных симпатий пришелся на время визитов в 1814 и 1820 гг., когда губернатором Нового Южного Уэльса был [Лаклан Макуори](#) (Lachlan Macquarie), сыгравший исключительную роль во всплеске австралийской «русофилии» в этот период. Пожалуй, за всю историю русско-австралийских контактов никто из австралийцев не заслужил такого восторженного отношения к себе со стороны русских, как он. Русские совсем не преувеличивали, когда писали о приеме, оказанном им губернатором в 1820 г.: «Кажется, губернатор был занят единственно тем, чтобы доставлять непрерывные нам удовольствия» (Васильев); [Макуори] «просил, чтобы сколько можно чаще его посещали» ([Ал. Лазарев](#)). «Губернатор старался предупреждать наши желания во всем, что только могло быть для нас полезно» (Ф. Беллинсгаузен); «Таковое расположение англичан к русским, что бывает очень редко, заставляет... каждого из нас... быть благодарным губернатору и его супруге, которые в продолжение месячного нашего здесь пребывания не хотели суток быть без нас» ([Шишмарев](#)). И, наконец: «Имя губернатора Macquarie не должно изгладиться из сердца каждого из нас» (Шишмарев).

О стремлении принять русских наилучшим образом свидетельствует и дневник Макуори — так, на протяжении марта 1820 года во время захода в Порт-Джексон кораблей *Открытие* и *Благонамеренный* он делает записи о русских в дневнике 12 раз. Столь же часто он писал о них и в дальнейшем. Из дневника Макуори и других документов видно, как важна была для него оценка русскими его приема. Несколько раз он упоминает их реакцию — «чрезвычайно довольны», «в полном восторге», «в высшей степени благодарны и довольны», — а также описывает прием, оказанный ему во время визита на русские корабли: «Я был принят с подчеркнутым вниманием и уважением», «нас принимали в высшей степени доброжелательно и любезно». Несомненно, что обмен визитами с русскими для него был чем-то большим, чем формальной любезностью.

Почему же Макуори оказывал такое внимание русским морякам? Скорее всего, это было связано с его предшествующими контактами с Россией и русскими. В 1807 году, будучи офицером английской армии, он совершил поездку из Индии в Англию через Россию. Он въехал на территорию Российской империи в Баку, а затем в «ужасной кибитке», запряженной тройкой лошадей, через Астрахань, Царицын, Новохоперск, Тамбов, Рязань, Коломну и Москву, пересек всю страну, добравшись два месяца спустя до Санкт-Петербурга. Путешествие Макуори через Россию было случайностью—ему пришлось выбрать этот маршрут потому, что путь через Турцию оказался невозможным. Он спешил в Англию к своей невесте Элизабет Кэмпбелл и неудивительно, что его мысли были заняты преодолением расстояния, а не стремлением проявить любознательность путешественника. Тем не менее, оставшийся неопубликованным дневник, который он вел на протяжении всего путешествия, дает занимательный портрет России и русских. Страницы этого дневника представляют собой отнюдь не традиционные путевые очерки. Они кажутся фантазмагорическим кошмаром, длившимся почти два с половиной месяца, так как Россия предстала перед британцем страной противоречивой и иррациональной. Все его попытки применить к русской реальности мерки и опыт западного человека потерпели полное фиаско, будь это в захолустном Баку или в Петербурге, при столкновении со станционным смотрителем или с генерал-губернатором. Там, где он ожидал найти помощь или хотя бы цивилизованное отношение, он их не находил, а там, где он на них не рассчитывал, он неожиданно сталкивался с искренним дружелюбием и гостеприимством.

Злоключения Макуори (на портрете слева) начались с того, что, въехав в Россию через

Баку, он узнал, что в Астрахани он может попасть в карантин, так как в России в это время свирепствовала «fever» (вероятно, холерная эпидемия). Макуори, опытный путешественник, тут же обратился к генерал-губернатору Баку Гурееву с просьбой выдать ему и его спутникам карантинное свидетельство, подтверждающее, что они въехали в страну здоровыми, но губернатор отказался, заявив, что он «таких свидетельств не дает, и добавив, что если бы он даже и выдал его, то оно нам не поможет,» - с недоумением пишет Макуори. С точки зрения англичанина это, конечно, был совершенно невразумительный ответ бюрократа. Макуори развил энергичную деятельность и, в конце концов, получил карантинное свидетельство, но в Астрахани он убедился, что Гуреев был прав: местные власти бакинское свидетельство не

признали и засадили Макуори в карантин на 25 дней. Более того, губернатор Астрахани даже не отвечал на его письма, а когда срок карантина кончился, не выполнил своего обещания разрешить Макуори немедленно выехать из города.

Но вот, наконец, все неприятности позади, и неунывающий Макуори отправился из Астрахани в Петербург. Он надеялся «добраться до столицы за 12 дней», путешествуя днем и ночью, «хотя обычно такой путь занимает 18-20 дней». Увы, на просторах России простая арифметика не действовала, и он добрался до Петербурга лишь через 22 дня, будучи еще несколько раз задержан властями. Канадский историк Глинн Барратт утверждает, что в Коломне, где Макуори продержали шесть дней, он был арестован как шпион, но этому нет документального подтверждения. Будь это так, то действия его мучителей имели бы хоть какое-то логическое объяснение. Здесь же, напротив, русский произвол и бюрократизм предстали перед ним, доведенные до абсурда. Выбравшись, наконец, из Коломны и получив еще одно карантинное свидетельство от московского губернатора, Макуори вновь был задержан у самого въезда в Москву, в Люберцах, на этот раз «невежественным станционным смотрителем», который решил отправить его документы в Москву на проверку, но и после этого Макуори был задержан еще раз стражей у ворот Москвы. По иронии судьбы спутники Макуори, которые покинули Астрахань позже, приехали в Москву раньше него, так как они миновали все опасные места ночью, когда стражники крепко спали. Таким образом, Макуори на собственном опыте понял смысл русской поговорки «Тише едешь — дальше будешь».

События в Петербурге развивались столь же драматично. Получив поручение английского посла доставить важные депеши в Лондон, Макуори отправился в Кронштадт, где его ждал корабль, и, как кажется, совершенно забыл, что он все еще в России. Бдительные стражники у петербургских ворот незамедлительно напомнили ему об этом, не выпустив его из города без разрешения от начальника полиции. Отправившись в его резиденцию, Макуори узнал, что начальник полиции «лег спать и его нельзя беспокоить» до восьми вечера (дело происходило в начале дня). Макуори развил бешеную деятельность, чтобы преодолеть это последнее препятствие, и, наконец, подняв на ноги английского посла и русского министра иностранных дел, в десять часов вечера получил «разрешение на выезд». Он, по-видимому, даже не заметил нелепости своего энергичного поведения в условиях России — ведь если бы он ничего не делал, а просто дожидался пробуждения начальника полиции (как поступили бы русские в подобной ситуации), то результат был бы тот же самый.

Злоключения Макуори в России описаны им настолько живо, что у русского читателя они вызывают хорошо ему знакомое чувство полнейшей беспомощности перед властью имущими. Символическим кажется, что, по воспоминаниям русских моряков, лишь одно трудное русское слово «подорожная» осталось в памяти Макуори «неизгладимым... потому, что на всякой станции ее у него спрашивали». Будучи выдержанным и хладнокровным человеком, он, тем не менее, описывая свой русский опыт, снова и снова

употребляет выражения «жестокое», «совершенно несправедливое», «бесчестное заключение», «глубокое разочарование», «унизительная задержка», «чрезвычайно подавлен и ошеломлен» и, наконец, крик души: «мое терпение почти исчерпано», «я никогда не проводил время так неприятно», «мне осточертела русская полиция». Любопытно, что Макуори заметил характерную черту русской природы: чиновники были исполнены подозрительности и ксенофобии лишь в тех случаях, когда они должны были принять решение по его делу. Но как только груз ответственности спадал с их плеч, они становились чрезвычайно гостеприимными. Например, командир коломенского гарнизона капитан Дашков, после шестидневного «жестокое и несправедливое» содержания Макуори под арестом, когда все кончилось, ни за что не хотел выпустить Макуори из города, пока тот не отобедает у него дома. «Я был вынужден принять это приглашение и отложить отъезд до вечера», — записывает Макуори в дневнике. В то же время, он никогда не осуждает русских, как народ, никогда не забывает отметить доброжелательность и помощь многих людей, которых он встретил во время путешествия. Его замечание о приеме у командующего Веселаго в Баку—«истинно русская открытость» — говорит о том, что, по крайней мере, в начале путешествия, он относился к русским с симпатией.

Макуори в своем дневнике дает очень краткие описания увиденных им в России городов на всем протяжении пути от Баку до Петербурга, и только в Петербурге, когда день его отъезда в Англию был наконец-то близок, состояние «преодоления», которое доминировало в его сознании на протяжении всего пути, сменилось обычным интересом к новому месту. После бескрайней, дикой и часто непостижимой России, в Петербурге он внезапно вновь вернулся в знакомый европейский мир: международные интриги, вежливые манеры, блестящие приемы и над всем этим, как фантастическая декорация — величественный Петербург с пышными царскими дворцами, с широкими элегантными мостами, красивыми садами и героическими статуями. «Самый великолепный и изысканный», «самый блестящий и планомерно построенный город в мире», — отзывается он о Петербурге.

Итак, вместо ожидаемой прямой зависимости — радушный прием русских в Австралии в ответ на приятное путешествие по России, — поведение Макуори оказывается гораздо сложнее. Возможно, что те русские, которых он так гостеприимно принимал в Австралии, были для него посланцами европейского лица России, повернутого к Западу, в то время как детали самого путешествия, столь живо описанные им в дневнике, — плохие дороги, задержки и аресты, грубость бюрократов и полиции, пьяные солдаты, — подернулись романтической дымкой и почти изгладилась из памяти. Слова Макуори о его посещении России — «везде был принят хорошо», — сказанные им капитану *Открытия* Васильеву в 1820 году, несомненно, относятся к этому европейскому образу России. Возможно, он оценил русский характер и сумел отделить его от поведения бюрократов.

И в те дни 1820 года, когда русские наслаждались гостеприимством Макуори и его жены Элизабет в их загородной резиденции в Параматте, где хозяева принимали русских гостей среди залитых солнечным светом золотых мимоз и благоухающих апельсиновых и померанцевых деревьев, они и не подозревали о том, что над головой Макуори сгущаются тучи, и уже близка его отставка - следствие происков его недоброжелателей... Быть может, принимая с особой теплотой русских — союзников Англии, — Макуори надеялся заслужить одобрение со стороны властей метрополии и предотвратить свою отставку. Русские и сами осознавали, что отношение к ним Макуори заслуживало награды со стороны России. Если верить Завалишину, то у русских моряков после визитов 1820 г. возник план представить Лаклана Макуори к царской награде в благодарность за оказанный прием. И хотя никаких следов этого представления к награде обнаружить не удалось, Макуори действительно, как никто другой, заслужил ее, стоя у истоков русско-австралийской дружбы, которая за всю последующую историю никогда не была столь безоблачной и искренней.

L. Macquarie. Diary.- *Macquarie Library, State Library of NSW*. L. Macquarie. *Journal*. 1807 - *Macquarie Library, State Library of NSW*. J. Ritchie, Lachlan Macquarie. *A Biography*. Melbourne, 1986

G. Barrat. The Russians and Australia, Vancouver, 1988 Российские моряки и путешественники в Австралии, М., 1993

Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане..., М., 1960

А.П. Лазарев, Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного»..., М., 1950

А. Массов. Андреевский флаг под Южным Крестом., Спб., 1995

Возврат к главной странице www.warsstory.org